

Кропотова Лариса Васильевна

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/64.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 12 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 161-163. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

себя «чимари», т.е. истинный, чистый мариец, не осквернивший себя чужой верой [Соловьев, 1999, с. 102]. Характерной чертой язычества в наше время является синкретизм: 1) бог один, но молятся ему по-разному – по-русски и по-марийски; 2) богов двое – русский и марийский, марийцы молятся обоим.

В последние годы язычество переживает период возрождения, связанный не только с тем, что прекратились гонения на него, как было в период насильственной христианизации и во времена всеобщего советского атеизма, но и потому, что в период тяжелых реформ, утраты моральных ценностей, культа денег и пр. народ потерял надежду на лучшую жизнь и обратился к вере. Переломным моментом в истории марийской языческой религии было принятие Закона Российской Федерации «О свободе вероисповедания» 25 октября 1990 года. Марийцы получили официальное разрешение на проведение коллективных молений в священных рощах. За период с 1991 – 1998 гг. в Республике Марий Эл состоялось семь крупных всемарийских молений [Марийцы, 2005, с. 226].

6) Семейно-бытовая сфера

В сфере семейно-бытовых отношений использование марийского языка зависит от места проживания носителей языка. Поскольку марийское население в основном - это жители сельской местности, то там марийский язык используется в семье гораздо чаще, чем у тех, кто проживает в городах или поселках городского типа.

Данные опросов свидетельствуют, что марийский язык в семейно-бытовой сфере чаще используется при общении с людьми старшего поколения, чем с молодежью, поскольку именно старшее поколение успело получить образование в национальных школах до их закрытия в 60-х годах.

В условиях широко распространенных в Марий Эл смешанных браков марийский язык в таких семьях часто отходит на второй план, уступая свои позиции русскому языку.

7) Другие сферы общения

Рассмотренные выше сферы общения – это те, в которых марийский язык функционирует с большей или меньшей долей активности. Что же касается использования языка в других сферах общения, а именно - в региональных органах управления, администрации, делопроизводстве, судопроизводстве, в сфере обслуживания и торговли, на производстве – то здесь доминирует русский язык, а марийский используется лишь в местной администрации сельских районов с преобладающим марийским населением, но и то не всегда и не повсеместно.

Все законы Марий Эл публикуются на луговом и горном марийском, а президент Республики согласно Конституции (статья 112) должен владеть двумя государственными языками – марийским и русским. Что касается лиц, участвующих в судебном процессе и не владеющих русским или марийским языками, то по Конституции и Закону о языках им гарантируется возможность пользоваться услугами переводчика в процессуальных действиях, в том числе для дачи показаний и полного ознакомления с материалами дела. Каждому лицу гарантируется право выступать в суде на его родном языке.

Некоторые марийские ученые считают, что внедрение марийского языка во все эти сферы наравне с русским - один из эффективных путей его сохранения. С этим нельзя не согласиться, однако сложность в том, как при сложившейся в республике демографической и языковой ситуации добиться выполнения такой задачи. И хотя марийский литературный язык к началу XXI века достиг в целом достаточно высокого уровня развития, в его функционировании остаются пока серьезные проблемы.

Список литературы

1. **Марийцы:** историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2005.
2. **Марийский мир:** справочник. Йошкар-Ола, 2008.
3. **Соловьев В.** О судьбах марийского язычества // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 1.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Кропотова Лариса Васильевна

Вятский государственный гуманитарный университет

В широком смысле коннотация - любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию, например «тёща» - «злая и сварливая», «кровавая заря» - «зловещая» и т.п. Коннотация соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностное рациональное или эмоциональное по характеру оценки - отношение говорящего к обозначаемому или отношение к социальным условиям речевой деятельности, то есть к стилистической форме речи. В узком смысле коннотация - такой компонент значения языковой единицы, выступающей во вторичной для неё функции наименования, который дополняет её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, то есть признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи. В этом случае говорят об образной коннотации, например, «медведь» о человеке, «носить камень за пазухой». Коннотация может быть "вещной" («дутый» об авторитете), опираться на знание некоторой ситуации («играть первую скрипку», «задавать тон») или создаваться ассоциативно-звуковым восприятием («драндулет», тары-бары-растбары).

Согласно исследованиям, все разнообразие подходов к понятию коннотация сводится к двум основным типам: коннотация как понятие логико-философской и коннотация как понятие лексикографо-лингвистическое [Iordanskaja, Melcuk, 1984].

Логико-философское понятие коннотации восходит к Дж. Миллу и его работам в 19 веке, где коннотация основывается на оппозиции коннотации и денотации. Коннотация по Дж. С. Миллу - это признаки, сообщаемые словом [Милл, 1899, с. 104], его представления о коннотации соответствуют современным представлениям о существенных признаках понятия.

Аргументы Дж. С. Милла продолжил развивать в своих работах в 1934 году К. Бюлер в книге «Теория языка. Репрезентативная функция». К. Бюлер определяет коннотацию в качестве пробела слова, которое должно заполняться контекстом. В каждом языке существуют избирательные родственные связи: наречие стремится к своему глаголу, то же наблюдается и у других частей речи [Бюлер, 2000, с. 58].

Коннотация по Л. Ельмслеву – это содержание, для которого денотативная система служит выражением, а само это содержание может быть определено в итоге «вычитания» из текста денотата [Ельмслев, 2006, с. 187].

В 50-х годах этнолингвистический подход к значению слова подводит Ю.Найду к признанию за культурой роли формирования сопутствующего значения (коннотации) слова [Найда, 1962, с. 45-71].

Коннотация как фактор субъекта речи, включённый в значение, противопоставлена объективному содержанию языковых единиц.

Субъективность коннотации проявляется в возможности неоднозначной интерпретации признаков реалии, названной одним и тем же именем, например, «волосёнки» - ласкательное и пренебрежительное употребление, «стреляный воробей» - одобрительное или с порицанием. Коннотация связана со всеми экспрессивно-прагматическими аспектами текста. Все языковые сущности, обладающие коннотацией, придают тексту субъективную модальность.

Коннотация способна выполнять текстообразующую функцию за счёт ассоциативного обыгрывания разного основания коннотации и использования его как средства поверхностно-синтаксического согласования элементов текста (сравните, например, корабль перестройки и штурманы или лоцманы перестройки, загребать вправо или влево и т.п.). В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент, согласуясь с рациональной оценкой, выступает как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. Последнее придаёт "суммарную" экспрессивную окраску всему выражению, в которой может доминировать квалификация по качеству («губошлеп», «носить воду в решете», «глубокая мысль»), по количеству («домище», «нестись на всех парах») или по тому и другому («носище», «дрожать над каждой копейкой», «телячий восторг»). Экспрессивная окраска может создаваться и за счёт функционального переключения стилистических регистров («кадровая чехарда», «хвори армии» и т.п.).

Узуальная коннотация выражается суффиксами субъективной оценки, образно осознаваемой внутренней формой слов и сочетаний слов, звукоподражанием, аллитерацией и т.п., а также стилистической окраской, которые служат своего рода стимулами для эмотивности, фиксируемой в словарных пометах типа одобр., неодобр., презрит., пренебр., уничж., порицат. Для коннотации текстового типа характерна нелокализованность, имплицитность, создающая эффект подтекста.

Коннотация - языковая универсалия, формы проявления которой зависят от типа значимых единиц, от правил их комбинаторики и принципов организации текста, а содержание от типа отношения к обозначаемому (оценочного, эмотивного, стилистического), а также от культурно-национального мировидения народа, говорящего на данном языке (в этом случае содержание коннотации - интерпретация обозначаемого в категориях культуры).

Так, слово «слон» в русском языке имеет коннотацию «тяжеловесности, неуклюжести» (сравните «топать, как слон»; «как слон в посудной лавке»), а в санскрите его переводной эквивалент *gadja* - коннотацию «легкости, «грациозности» (сравните *gad jagami* «легкой походкой», буквально «слоновой»).

Коннотация слова отражает такой признак обозначаемого им объекта, который, хотя и не составляет необходимого условия для применения данного слова, но устойчиво связан с обозначаемым объектом в сознании носителей языка. Например, во многих европейских языках у слова, обозначающего лису, имеется коннотация «хитрости» или «коварства». Понятно, что эти признаки несущественны для данного класса животных: для того чтобы называть некоторое животное лисой, нам нет необходимости проверять, является ли оно хитрым. Следовательно, признак хитрости не входит в дефиницию (толкование) этого слова, но тем не менее устойчиво ассоциируется с ним в языке, о чем свидетельствует хотя бы переносное употребление слова лис(а) применительно к хитрому человеку. Коннотации воплощают принятую в данном языковом коллективе и закреплённую в культуре данного общества оценку обозначаемого словом предмета или факта действительности и отражают культурные традиции. Так, «хитрость» и «коварство» являются постоянными характеристиками лисы как персонажа сказок о животных в фольклоре многих народов.

Коннотации являются разновидностью связанной со словом так называемой прагматической информации, поскольку отражают не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определённый взгляд на них. В отличие от других видов прагматической информации, это отношение и взгляд принадлежат говорящему не как отдельной личности, а как представителю языкового сообщества. Так, например, слово кляча несёт эмоционально-оценочную прагматическую информацию об отношении гово-

рящего как личности к обозначаемому этим словом объекту, и, употребляя это слово применительно к некоторой лошади, мы неизбежно выражаем свое собственное неодобрительное отношение к ней. В противоположность этому говорящий, используя лексему, имеющую определенную коннотацию, не выражает этим своей личной точки зрения на обозначаемый объект; например, употребляя слово лиса для обозначения животного, мы не выражаем тем самым своего мнения о хитрости лисы. Тем не менее связь между лисой и хитростью присутствует в сознании говорящего - в той его области, которую в социальной психологии называют коллективным бессознательным.

Другими примерами коннотаций служат признаки «упрямства» и «тупости» у слова «осел», «монотонности» у слова «пилить», «быстроты» и «непостоянства» у слова «ветер». Коннотации слов обнаруживают себя в целом ряде явлений, принадлежащих языку или речи. К языковым проявлениям коннотаций, то есть таким, которые зафиксированы в системе языка, относятся переносные значения (сравните значение «тупой и/или упрямый человек» у слова «осел»), привычные сравнения (сравните «упрямый, как осел»), значения производных слов (сравните «ветренный» в значении «легкомысленный»), значения фразеологизмов (сравните «как ветром сдуло», что означает быстрое исчезновение кого/чего-либо).

К числу объективных проявлений коннотаций слова следует отнести и явления речи, которые обычно не фиксируются в словарях и грамматиках, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данным словом. Одно из таких явлений - это относительное единообразие в интерпретации носителями языка так называемых псевдотавтологических конструкций, имеющих форму *X* есть *X*, например, «Немец есть немец». С логической точки зрения, такие высказывания тавтологичны (истинны в силу своей формы), а значит, должны были бы избегаться в речи как неинформативные: их предикат не несет в себе ничего нового по сравнению с тем, что уже выражено с помощью субъекта. Однако этого не происходит - они воспринимаются как вполне нормальные высказывания, которые информативны именно благодаря тому, что в них объекту *X* в неявной форме, имплицитно приписывается свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа. В частности, тот факт, что большинство носителей русского языка вкладывают в приведенный выше пример псевдотавтологии приблизительно следующий смысл: "Чего же вы хотите от немца, они все такие аккуратные (или педантичные)", показывает, что немцу с высокой степенью регулярности приписываются такие свойства, как «аккуратность» и «педантизм», которые оказываются устойчиво связаны в сознании носителей русского языка со словом немец, безусловно, не относясь при этом к существенным признакам класса лиц, обозначаемого этим словом.

Существует точка зрения, отрицающая наличие объективной коннотации. Так, Дж. Айто считает, что с чисто теоретической точки зрения, такого термина, как коннотация в лексикографии не существует: если с помощью лингвистического анализа нельзя выделить любой коннотативный элемент и показать, как он влияет на дискретное денотативное значение слова, этому элементу в словаре не должно быть места. Никакая коннотация, которая не отвечает этому требованию, - не является лингвистическим явлением, а принадлежит к экстралингвистической реальности [Ayto, 1983, p. 96, 124].

Таким образом, существует множество мнений относительно субъективности и объективности коннотации, понятие коннотации является нечетким и расплывчатым, термин этот трактуется неоднозначно, имеет множество синонимов. Исследователями рассматриваются стилистические, эмоциональные, культурные, прагматические, ассоциативные и прочие стороны коннотации, она предстает перед нами как своеобразная «куча-мала», а не как структурированное целое. С нашей точки зрения, это происходит потому, что попытка определения самого понятия коннотации с позиции одного или двух-трех аспектов неполна. Каждое направление в отдельности не способно полностью постичь сущность коннотации.

Список литературы

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ.; сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция / пер. с нем.; под ред. В. Д. Мазо. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
3. Милл Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с 10-го англ. изд.; под ред. В. Н. Ивановского. М.: Книжный дом, 1899. 781 с.
4. Найда Е. А. Анализ значения и составления словарей // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев М.: Иностранная литература, 1962. Вып. 2 С. 45-71.
5. Ayto J. On specifying meaning. Semantic analysis and dictionary definitions // Lexicography: principles and practice / ed. by R. R. K. Hartmann. London: Academic Press Inc., 1983. P. 89-98.
6. Iordanskaja L., Mel'čuk I. Connotation en s'emanic et lexicographie // Dictionnaire explicatif et combinatoire du francais contemporain: recherches lexico-s'emantique. 1984. № 1. P. 33-43.